

Вячеслав МАЛЕЖИК: "ДОКРИЧАТЬСЯ ТОЛЬКО ТИХИМ

В ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЕ звезд «Старко» играют в защите Владимир Пресняков-старший и Вячеслав Малежик. Преснякова все величают ветераном сцены и зовут Петровичем, а отца Малежика никто мне не мог назвать. Петрович два года назад обзавелся внуком, а Слава тогда же родил сына. Девушки до сих пор штурмуют гостиничный номер и гримерку Малежика. Между тем Преснякову 47, а Малежику 46, и начинал он — страшно вспомнить! — в середине шестидесятых, когда про «Машину времени» и «Аквариум» никто не слыхивал...

Конечно, он не Пьеха, и вообще мужчин не принято спрашивать о секретах их молодости, но Слава держится молодцом!

Мы познакомились с ним лет шесть назад, когда во Дворце молодежи я проводил встречи «На новой волне». Слава тогда пел под гитару, хотя всюду звучали его сольные магнитофонные поп-альбомы, забавно отвечал на записки и позволял несколько колкостей в адрес ансамбля «Пламя», где служил. В «Смене» потом появилось небольшое интервью, и этого хватило, чтобы Малежика изгнали из «Пламени».

С тех пор мы общаемся по-приятельски, но давно уже мне не доводилось видеть нового концерта Вячеслава — без ансамбля, в гитарном варианте. И вот Малежик посетил «Октябрьский», собрав при минимуме рекламы в понедельник — вторник полный зал.

— МИША, НУ КАК ТЕБЕ концерт?

— А как такой концерт может не понравиться? Все так положительно, зритель кайфует от легкости общения. В общем, посмотрел я типичный бардовский концерт, который был бы, наверное, более уместен в каком-нибудь клубе песни или в концертном зале у Финляндского вокзала, куда любят приезжать Никитины, Берковский, Вероника Долина...

— Знаешь, «Битлз» тоже называют бардами XX столетия, поэтому меня это слово не обижает.

— Неплохой каламбур! Но в нашей стране все перевернуто — бардами называют совершенно других людей. И если тебе не нравится сравнение с вышеуказанными авторами-исполнителями, то тогда скажу, что еще у меня было такое ощущение, словно я попал не на концерт, а скорей на творческую встречу композитора со зрителями. В «Останкино» устраивают творческие вечера писателей, поэтов. Там бы и ты мог блеснуть!

— Это, собственно, то, с чего началось когда-то наше знакомство. Только на встрече во Дворце молодежи ты фильтровал записки, а нынче я отвечаю практически на все подряд.

— И еще выступаешь в роли рассказчика забавных историй, всевозможных анекдотов. Все это, конечно, чудесно, но, понимаешь, не хватало мне музыкального кайфа. Два с половиной часа песен под акустическую гитару могут ведь и наскучить.

— Я на протяжении почти трех лет работал с группой «Саквояж», где все музыканты играли живьем. В моем умении играть с музыкантами ты мог убедиться и на концерте памяти Виктора Резникова, когда Юрий Лоза, Игорь Петренко, Андрей Мисин вызвались помочь мне в песне «В этом старом доме». А на сольном концерте я выбрал такую форму, потому что, на мой взгляд, сейчас можно докричаться до людей только тихим голосом. Мне важно было попробовать сломать стереотип, который сложился у зрителя о Малежице. Ты ведь тоже предполагал увидеть несколько иное шоу?

— Да уж.

— Знаешь, нужна была решимость, чтобы от начала до конца провести концерт под одну гитару. Фонограмма в любом виде, даже если петь живьем, все равно становится травматичной колесой. А так мне легче среагировать на дыхание зала, ответить увеличением темпа, добавить эмоций...

— Твои концерты в «Октябрьском» произвели впечатление импровизации — реклама появилась буквально за несколько дней до начала и была ненавязчивой. Малежик пел в выходные дни. Словом не приходилось говорить о длительной подготовке, о привлечении спонсоров...

— То, что концерт показался тебе не выстраданным, может быть, как раз говорит о том, что он выстрадан.

Все ведь катится легко. Я продумывал специальные блоки, состоящие из старых и новых романсов. Каждый блок обладает своей драматургией, точкой, которая, как правило, заканчивалась овацией. Я оставлял маленький люк для импровизации. Не случайно ведь на афише концерта появилась строчка: «Старые, новые и очень старые песни». Очень старые — те песни, которые пожелали услышать мои зрители, причем не обязательно моего авторства, я мог спеть студенческую песню из репертуара Галича, какую-нибудь тюремную песню, не говоря уже о «Битлз», чьи мелодии неплохо знаю. С «музыкальным кайфом» я приезжал в прошлый раз. Тогда работал одно отделение с группой, другое — под акустическую гитару.

— Но ведь мы-то знаем, что сегодняшняя форма твоего концерта вынужденная, потому что года полтора назад от тебя ушли музыканты...

— Сейчас так много музыкантов на воле ходит, что никаких трудов не составит их собрать! Через неделю у меня был бы полноценный состав. Но хочется

шагнуть дальше. На том же концерте памяти Резникова энергетика Лозы, Мисина и Петренко меня так подхлестывало, что примерно полчаса после концерта не мог успокоиться, руки дрожали. Меня давно греет идея собрать «Сборную Союза»: я получил предварительное согласие Лозы, Мисина, Сап Серова сделать такую группу, где все мы пели, играли, не считая заочным еще и аккомпанировать друг другу. Вот это был бы кайф!

— Слава, твой видеоклип не помнишь, когда и видел. Да и был ли он вообще?

— Были довольно удачные клипы «Черный рынок» и «Улочка-переулок». Менее удачное — «Лето навсгда», «Дебри Занзибара». Но, ты прав, это было тыщу лет назад. Не нахожу режиссеров, что могли бы помочь мне в решении песни. Очень много клипмейкеров, которые занимаются самовыражением и демонстрацией спецэффектов. В одной из недавних статей о тебе я прочитал, что ты вернулся из поездки по ресторанам Америки и Канады и оценил там тебе не понравилось. Извини, а что там вообще могло понравиться, а что нет?

— Понимаешь, я примерно знаю, что такое напиться пьяным, но в жизни никогда не напивался до чертиков и поэтому до конца могу этого не почувствовать. Так и здесь. Решил попробовать спеть в ресторанах, оправдываясь еще тем, что это даст мне возможность одним махом посмотреть Америку бесплатно. Да и многие, кто уже ездил в Штаты, пытались убедить меня, что эти рестораны — не русские, что там существует традиция выслушивать музыкантов, но... Нашего брата полно и там, и многие испытывают кайф от возможности выпить-закусить под звездами. Пусть даже под московскую... Провинциальность в Америке куда не исчезает, чаще всего почему-то мне приходилось работать для украинских евреев. К счастью, я только четырежды выходил на сцену, но бытие быстро меняло мое сознание. Вскоре меня стало волновать: идут ли заказывать какую-то песню или не идут? Я с ужасом отгонял эту мысль, но она скворчком стучала в виске. А что было бы, если бы я выступил раз двадцать?

— Больше туда ни ногой? Или соблазнишься снова?

— Может ведь наступить такой момент, что дома у меня не будет возможности заработать денег, а семью надо кормить. И тогда проклятое бытие вновь определит мое сознание. На сегодняшний день день особых материальных стимулов нет, чтобы вновь туда спешить.

— Лет пять-семь назад были очень популярны магнитофонные альбомы Малежика — бойко, один за другим, выходили и здорово помогли тебе в раскрутке...

— Они продолжают выходить, но проблема заключается в том, что сегодня кассеты безумно дороги. Представляешь ситуацию: нахожу спонсоров, выпускаю кассеты по дешевым ценам, но где гарантия, что народ не будет покупать альбом Малежика, чтобы записать на эту кассету Титомира?

— Что же ты сам фанатически подтвердил мое ощущение, что момент моды на Малежика, который был два-три года назад, уже миновал... Нынче в тропе Богдан!

— Если, конечно, тебя интересуют мои ощущения, то у меня происходит некий ренессанс. Был всплеск, затем некоторое падение, а нынче опять заметны подъем. Я постарался перейти в какое-то новое качество. С теми же романсами... Фраза, которая есть в одном из моих романсов: «Мадам, а вы совсем не постарели, лишь погустели чуточки глаза», дала основание многим женщинам сказать, что я им подарил надежду. Наверное, неплохо анализировать

свое творчество, но ты меня сам подтолкнул к этому...

— Слава, как ты умудрился в почтенные лета стать папой?

— Во-первых, достаточно полиощенно чувствую себя как мужчина. Во-вторых, раньше все мешало до жилищных условий, то еще какие-то бытовые проблемы. Удовольствие в таком возрасте заполучить маленького ребенка ни с чем не сравнимое. Так что тебе тоже советую!

— Спасибо. Моему Михал Михалычу четыре годика.

— Тогда мы должны вместе объяснить читателям, чтобы они поторопились!

— Или подождали до сорока-сорока пяти.

— Я написал песню про «Ваню-Ванюшу», по-моему, одну из немногих — от имени отца. Были «Носики-курносики», но их пели женщины. Кстати, я ее писал не для сцены, а для капустника по случаю первой годовщины сына. Но теперь пою «Ваню-Ванечку» и на концертах. Публике нравится.

— Народу ты известен как телевизионный ведущий программы «Шире круг», но, посмотрев твой концерт, я подумал, что с такими способностями рассказчика, добродетельного собеседника, ты бы мог претендовать на собственное телешоу.

— У меня есть идея такой программы, но для этого нужно сворачивать концертную деятельность. Если попробовать сняться в кино, то опять — заканчивай гастроли. А концерты меня очень греют. Я вообще боюсь гневить Бога, который дал мне возможность наиболее рационально использовать мои физические и духовные данные. Жизнь складывалась так, что мне никогда не приходилось мучительно решать какие-то дилеммы. Когда мы с тобой познакомились, меня выгнали из ансамбля «Пламя». Ту газету мой коллега просто публично сожигал, а надо мной устроили судилище. К сожалению, за исключением Олега Курайтника и Ирины Шацковой, меня никто не поддерживал, все осудили как ренегата. Но я-то уже во всю пел как солист.

— И чем все это закончилось? «Пламени» нынче нет?

— Я даже не знаю...

— Слава, Слава, можно ли от Малежика ждать сюрпризов? Такое впечатление, что все у тебя так ровно, фундаментально, хоть на полку ставь тома с творческим наследием. Или ты, подобно Сергею Великову, мог бы повторить его заявление в «МузОбоз»: «Я не певец со скандальной славой».

— Что плохого, если ты заказал в кафе чашечку кофе и тебе принесли классный кофе? «Роллинг Стоунз» играют на протяжении двадцати пяти лет одну длинную-длинную песню, от этого

не становишься хуже. И есть Мадонна, которая раз в два года меняет имидж. Каждый выбирает свой путь. Люди ждут от меня того, чего они хотят получить, и хотят получить желаемое, а некоторые журналисты, которые знают меня давно, еще и удивляются моим качествам рассказчика и теплоте, задушевности концерта...

— О'кей, ты меня убедил. Слава, ты много гастроллируешь? Многие ведь нынче простаивают, ссылаясь на тотальную дороговизну.

— Пятнадцать-двадцать концертов в месяц, а то и больше. После июля наберется от силы дней десять, когда я отдыхаю. Понимаешь, я своей работой на сцене, тем, что ни разу не пел под фанеру, заслужил уважение своего зрителя. И он идет в зал, хотя я нынче не так часто появляюсь по ТВ.

А скандальная слава? Искусственно придумать скандал — это особый продюсерский дар, им ведь совсем немногие владеют. Меня же сама судьба ведет, и вот людская молва соединяет меня с Катей Семеновой и, вполне возможно, готовит новые слухи.

Я не занимаюсь прогнозированием успехов или неудач, хотя по образованию я — инженер-прогнозист. Стараясь заниматься самовыражением, надеюсь на резонанс не только у моих сверстников, но и у пацанов, которым будет интересно, как же мыслят и думают дядьки, когда доживают до сорока шести лет. И стоит ли вообще доживать до этого возраста или лучше пустить пулю в лоб?

Я перешел на «срочную работу». Сегодняшний концерт, уверен, будет отличаться от того, что ты видел вчера. Та же извечная «Провинциалка» будет иначе звучать: я сегодня снимался на ТВ, вчера был в гостях у приятелей, выпивал, с тобой вот поговорил.

Помню, я был поражен разницей исполнения одним и тем же человеком, а именно Полом Маккартни, его хита шестидесяти третьего года, который мы знаем по пластинке «Please, please me». Перепетый сорокалетним обуржуазившимся Маккартни, это был такой толстый рок-н-ролл, который пел человек уверенный, достигший всего, считающий излишним кому-то что-то доказывать.

— Было бы очень интересно послушать и твои старые-старые песни в новых аранжировках! Эти же песни все разбросаны по ансамблям, по альбому...

— У меня железное убеждение, что песни, если она стала художественным произведением, обладает энергетикой, которая будет притягивать слушателя и двадцать лет спустя. Вновь перепеты

хиты должны иметь успех. Правда, если сохранился тот же энергетический заряд у исполнителя. Но все время исполнителю хочется показать максимум новых песен, а зрителю услышать максимум старых песен. Заколдованный круг. Попав на концерт «Роллингов» или Маккартни, я бы тоже жаждал услышать прежде всего старые добрые хиты.

— Есть в России два известных эстрадных музыканта, которые вызывают у меня удивление тем, что, будучи яркими битломанами, знатоками творчества «Битлз», сами пишут совсем другую, как многие считают, совковую музыку: ты и Володя Матецкий, А Матецкий еще сейчас и с Полом Маккартни познакомился-подружился. Что же вы за такие странные люди?

— Могу назвать тебе еще одного битломана — Славу Добрынина...

А что значит — занимайся другой музыкой? Эту детскую болезнь лужно пережить. Вроде прыщиков. Я тоже сочинял в стиле «Битлз». Потом перешагнул это и стал выражать самого себя. Меня бы, наверное, не было, если бы я не работал и в «Веселых ребятах», и в «Пламени», — как ли крути, от этого отказываться нельзя.

— Слава, да пойми — и не о том... Я, возможно, нахожусь еще под впечатлением дней памяти Резникова. Но вот вдруг выяснилось, что Виктор на что-то замахивался в этой жизни, на что-то большее, чем успех у совка...

Ну а Добрынин, Матецкий и, извини, Малежик — на что-то замахивались? Хотя потенциал у тебя огромный — две мелодии твои меня поразили — «Любить по памяти», «В этом старом доме» (посвящение Резникову).

— Я их так нигде и не записал, не отсылал.

— А это же музыка европейского класса! Но где она, кто ее слышал?

— А что я должен делать? На мне — клеймо совка. Хотя у нас все, что появилось на экране телевизора, автоматически становилось совком. Все считали: чтобы пробраться на ТВ, обязательно нужно кого-то трахать или давать бабки. Я же, как перед Богом могу сказать, никому не давал и никого не трахал. В свое время для себя решил: если моя песня будет хороша, значит, в ней появится необходимость. Я никому не кланялся, никому не отсылал. Но раз я по телеку пою, то — совок.

И он помчался на сцену, и уже разгоряченному ожиданием залу. Поздоровался с публикой и сказал: «Мы только что говорили с Мишей Садчиковым и выяснили, что я — совковый певец. Так что перед вами выступает совковый певец Вячеслав Малежик».

Сказал шутя или серьезно обиделся?

Фото Вячеслава ГУРЕВОВА